

КАУЗАТИВЫ, ДЕКАУЗАТИВЫ И ЛАБИЛЬНОСТЬ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Даниэль, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова
Институт языкознания РАН, Москва

В докладе анализируется фрагмент системы актантной деривации агульского языка (эргативный язык, принадлежит лезгинской группе нахско-дагестанской языковой семьи), связанный с агентивизацией одноместных и деагентивизацией двухместных предикатов – т.е. традиционная проблематика «каузатив» ~ «лабильность» ~ «декаузатив». Процессы актантной деривации рассматриваются на материале всех известных нам непроизводных (т.е. не префиксальных и не сложных) глагольных лексем. Выдвинуты некоторые объяснительные гипотезы, относящиеся к феномену лабильности в типологическом аспекте.

1. Каузативы. В агульском языке существует единственный продуктивный способ образования каузативов – сочетание инфинитива смыслового глагола с глаголом (а)q'as 'делать' (ниже «аналитический каузатив»). Именная группа, выражающая каузатора, маркируется эргативом; при каузативизации непереходного глагола именная группа, обозначающая каузируемого участника, сохраняет свой падеж – номинатив или датив (при экспериенциальном предикате), при каузативизации переходного глагола она оформляется апудэссивом (один из пространственных падежей). Аналитический каузатив образуется от всех глагольных лексем (кроме стативных глаголов, не имеющих инфинитива); для переходных глаголов возможен только аналитический каузатив. К непродуктивным способам каузативизации относятся следующие явления.

(а) Наличие у нескольких непереходных глаголов непродуктивных каузативов – сложных переходных глаголов, состоящих из основы с суффиксом -r и глагола q'as 'делать' (ср. *Ruzas* 'останавливаться' > *Ruza-r-q'as* 'останавливать', *uq'as* 'сидеть' > *uq'a-r-q'as* 'сажать', *ruRas* 'остывать' > *ruRa-r-q'as* 'остужать', *ruqas* 'сохнуть' > *ruqa-r-q'as* 'сушить', *žik'as* 'найти (случайно)' > *žik'a-r-q'as* 'найти (в результате поисков)', *agas* 'видеть' > *aga-r-q'as* 'показывать' и пр.).

(б) Способность некоторых глаголов выступать как в переходной, так и в непереходной конструкции, т.е. лабильность (подробнее см. следующий раздел).

Для каждого из этих глаголов кроме нерегулярного каузатива возможно также образование аналитического каузатива. При этом реализуется следующий семантический контраст. Нерегулярный каузатив (сложный глагол или переходный член лабильной пары) выражает прямую, намеренную каузацию (ср. 1а, 2а), в то время как аналитический каузатив выражает ненамеренную, опосредованную каузацию (ср. 1б) или имеет иные дополнительные компоненты значения (ср. 2б).

(1) *q'eša-r-q'as* 'мочить' vs. аналитический каузатив от *q'ešas* 'мокнуть'

а .zun kun-ar q'ešarq'u-ne.

я:Ерг одежда-Pl(Nom) мочить-Pft

Я замочил белье/одежду (положил в таз с водой).

б .zun lak-ar q'eša-s q'u-ne.

я:Ерг нога-Pl(Nom) мокнуть-Inf делать-Pft

Я промочил ноги (т.е. допустил, что они промокли).

(2) *uq'a-r-q'as* 'сажать' vs. аналитический каузатив от *uq'as* 'сидеть'

а .uq'arq'-e Hyle]uw.

сажать-Impr гость(Nom)

Посади гостя (покажи ему место, где сесть).

б .uq'a-s q'-e ge.

сидеться-Infr делать-Impr он(Nom)

Заставь его сесть (напр., ребенка, который бежит и не слушается). //

Пусть он (например, гость) посидит (= сделай так, чтобы он подождал, пока меня нет).

У лабильных глаголов «контактный» каузатив для непереходного варианта выражается той же формой в переходной конструкции, т.е. переходным членом лабильной пары. «Дистантная» каузация, как и у каузативов в примерах (1) и (2), выражается аналитическим каузативом:

(3) *arʕas* ‘ломаться’ в непереходном употреблении vs. каузатив от него

а .gur **arʕu-ne.**
тарелка(Nom) разбиться-Pft
Тарелка разбилась.

б .gadaji gur **arʕa-s** **q'u-ne.**
мальчик:Erg тарелка(Nom) разбить-Inf делать-Pft
≈ *Тарелка разбилась по вине мальчика (например, мальчик оставил ее на шатком столе).*

(4) *arʕas* ‘ломать’ в переходном употреблении vs. каузатив от него

а .gadaji gur **arʕu-ne.**
мальчик:Erg тарелка(Nom) разбить-Pft
Мальчик разбил тарелку.

б .dada gadaji-w gur **arʕa-s** **q'u-ne.**
отец:Erg мальчик-Apud тарелка(Nom) разбить-Inf делать-Pft
Отец заставил мальчика разбить тарелку.

Наконец, имеется небольшое количество собственно лексических (“супплетивных”) каузативов: ср., *ʕas / Xas* ‘идти, двигаться / вести, нести’, *adaʕas / adad.as* ‘катиться / катить’, *ket'as / keRkas* ‘проснуться / будить’, *Rajšas / Rahad.as* ‘подняться / поднять’ и пр. Для аналитических каузативов от этих глаголов также верны описанные выше закономерности. Таким образом, прямая каузация выражается преимущественно лексическими средствами, тогда как для маркирования опосредованной каузации имеется специальная аналитическая конструкция. Впрочем, для некоторых непереходных и не лабильных глаголов (например, *ac'as* ‘наполняться’, *kuras* ‘пачкаться, грязниться’ и др.) конструкция с глаголом ‘делать’ является единственным средством выразить как прямую, так и опосредованную каузацию:

(5) а .berNem **kuru-ne.**
платье(Nom) пачкаться-Pft
Платье испачкалось.

б .ru]a berNem **kura-s** **q'u-ne.**
девочка:Erg платье(Nom) пачкаться-Inf делать-Pft
Девочка испачкала ребенка (1. намеренно // 2. допустила это, сама того не желая).

2. Лабильные глаголы. Отличительной особенностью агульского языка (возможно, также и других лезгинских языков) является большое количество лабильных глаголов (речь идет о так называемых Р-лабильных глаголах, иначе S=O ambitransitives). Таких глаголов обнаружено более 30, причем среди непроемных глагольных основ их доля составляет более 20% (25 лексем). В агульском языке можно выделить две основные семантические группы лабильных глаголов – это глаголы, обозначающие:

а) ситуации, которые могут наступать как в результате действий агенса, так и самопроизвольно (ср. *ar<as* ‘ломаться; ломать’, [*urXas* ‘рваться; рвать’, *at'usas* ‘гаснуть; гасить’, *al[aq'as* ‘закраться; закрыть’, а также *k'es* ‘умереть; убить’ и др.) – таких лексем среди агульских лабильных глаголов большинство;

б) автономные процессы, для которых (практически) обязательно их «иницирование» агенсом (*ruXes* ‘вариться; варить’, *užas* ‘печься, жариться; печь, жарить’, ср. также *ruXas* ‘родиться; родить’).

Эти группы традиционно упоминаются в литературе как наиболее вероятные кандидаты на лабильность; ср. [Dixon & Aikhenvald (eds.) 2000: 20]. Однако, как по количеству среди «базовых» глагольных смыслов, так и с точки зрения лексического состава агульские лабильные глаголы в значительной степени отклоняются от типологических закономерностей, предложенных в работе [Haspelmath 1993]; в то же время на фоне других нахско-дагестанских языков, прежде всего лезгинских, наблюдаемая в агульском картина отнюдь не представляется исключительной [Лютикова 2002].

При внимательном анализе агульского глагольного словаря становится очевидным, что лабильность является не просто лексическим свойством глагола, но в известной степени определяется контекстной интерпретацией его семантики. Так, например, глагол *at'as* ‘резать’ имеет единственное непереходное значение ‘порезаться’ (причем в качестве единственного аргумента выступает часть тела, например, палец), а глагол *uc'as* ‘таять, растворяться’ в переходном употреблении может значить лишь ‘растопливать’ (напр., о снеге), но не ‘растворять’ (напр., о сахаре в воде). В некоторых случаях значение члена лабильной пары сильно лексикализовано: так, глагол *ut'as* ‘гнить’ при введении в рамку агенса употребляется только в переносном значении ‘изводить, мучить’, но не в прямом значении ‘позволить сгнить (например, о картошке)’; последнее значение выражается аналитическим каузативом.

Интересно также, что хотя границу между двумя указанными выше семантическими группами лабильных глаголов трудно однозначно определить, они проявляют различие в языковом поведении, связанное, очевидно, с различием в описываемых ими ситуациях. Так, особая конструкция с «ненамеренным агенсом» (‘одушевленный участник А случайно, сам того не замечая, осуществляет действие’), более допустима с глаголами первой группы, чем с глаголами второй группы.

3. Декаузативы. Как уже было сказано выше, декаузативная деривация в агульском языке отсутствует. Следует, однако, заметить, что в специальных – например, сказочных – контекстах, рекатегоризирующих неодушевленного пациенса как одушевленную сущность, осуществляющую контроль над ситуацией, переходный глагол может становиться непереходным (в первую очередь речь идет о глаголах, обозначающих культурную деятельность – ‘шить’, ‘ткать’, ‘стричь (шерсть)’ и др. Ср. следующие примеры с непереходным и (исходно) переходным глаголами; сложное местоимение *u[u[i]ldi* в (6a) и (7a) эквивалентно русскому само собой (местоимение *u[‘сам’* в номинативе и оно же в суперлативе, кодирующем в агульском языке инструмент):

(6) а .dar **adarxu-ne** *u[* *u[i-l-di.*
 дерево(Nom) падать-Pft сам(Nom) сам-Super-Lat
 Столб упал сам собой.

б .dar, **adarx!**
 дерево(Nom) падать:Imp
 Столб, падай!

(7) а .berNem **duq'a-a** *u[* *u[i-l-di.*
 платье(Nom) шить-Prs сам(Nom) сам-Super-Lat
 Платье шьется само собой.

б .**duq'** *sara,* **berNem!**
 шить:Imp же платье(Nom)
 Платье, да шейся же!

При этом для ситуаций, затрагивающих самого агенса – например, ‘есть’, ‘пить’ и др. – подобная рекатегоризация практически невозможна. Описанную “контекстную антикаузативную деривацию” можно рассматривать как свидетельство того, что лабильность, т.е. способность глагола употребляться как в переходной, так и в непереходной конструкции, следует описывать скорее как шкалу, чем как дискретный признак – тогда глагол ‘пить’ оказывается нелабильным, ‘шить’ – слабо лабильным, а глаголы ‘варить(ся)’ и ‘лопать(ся)’ – сильно лабильными.

4. Классификация агульских глагольных лексем. Данное выше описание (де)каузативной деривации опирается на традиционное противопоставление переходных, лабильных и непереходных глаголов. Применение ряда стандартных контекстов позволяет разбить ситуации, описываемые глагольными лексемами агульского языка, на более дробные классы и детализировать шкалу переходности. Так, лишь часть непереходных глаголов позволяет конструкцию с ненамеренным агенсом (оформляемым апудэлативом); другие глаголы обозначают ситуации, в которых отсутствие контроля со стороны агенса невозможно. Это показывает, что степень агентивности непереходных глаголов может различаться (переходные глаголы этой конструкции не образуют вообще).

С другой стороны, лишь некоторые переходные глаголы допускают “декаузативное прочтение” (см. выше). Это обозначения различных видов культурной деятельности (‘шить’, ‘стричь’ и др.); интерпретация аналогичных контекстов с глаголами – обозначениями ситуаций, в которых ситуация затрагивает самого агенса (например, ‘пить’), крайне затруднена, если вообще возможна.

Литература

- Лютикова Е. А. 2002. Каузативы, декаузативы и лабильные глаголы в дагестанских языках: опыт типологии в пределах языковой группы. Материалы к докладу на XI Коллоквиуме Европейского общества кавказоведов, Москва, июнь 2002.
- Dixon, R.M.W. & A. Aikhenvald (eds.). 2000. *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, Martin. 1993. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // Comrie, Bernard & Polinsky, Maria (eds.). *Causatives and transitivity*. (Studies in Language Companion Series, 23.) Amsterdam: Benjamins, 87-120.